

те
ий
ет!

Цветы с передовой для Клавдии Шульженко...

ПОГАСЛА одна из самых ярких звезд нашей эстрады. Превратилась в Клавдию Шульженко. В правительственном некрологе отмечалось, что это была «выдающаяся певица... Более полувека вдохновенного и неустанного труда отдала она беззаветному служению советской эстраде».

Двадцать пять лет работали мы с ней в творческом содружестве и десять из них в одном коллективе, который назывался «Ленинградский джаз-ансамбль», и я был свидетелем творческого роста певицы, ее упорной работы, развития и расцвета ее таланта — всего того, что и сделало ее подлинной королевой эстрады.

Впервые я услышал совсем молодую Шульженко в конце двадцатых годов — в 1929 году мы выступали с ней в программе Нижегородского мюзик-холла — и сразу был покорен ее молодостью, непосредственной манерой исполнения и всечарующим сценическим обаянием. С первого же выхода на сцену возник душевный контакт с публикой, ее встретили доброжелательно и заинтересованно.

А летом 1930 года наши совместные концерты проходили в моей родной Одессе. Я очень хотел, чтобы эти придирчивые, беспощадные одесситы по достоинству оценили и полюбили еще неизвестную им певицу. И они, обожавшие Изу Кремер, Александра Вертинского, Леонида Утесова, приняли и полюбили Шульженко. А Петр Соломонович Столярский — легенда Одессы, опекун и учитель всех музыкально одаренных ее детей, возрадивший плеяду скрипачей — один Давид Ойстрах чего стоит! — этот самый Столярский обнял и расцеловал певицу, поздравил ее с дебютом, сказал, обращаясь ко всем присутствующим за кулисами актерам драмы, оперы и оперетты (дело происходило в Доме искусства РАБИС):

— Ну вот, друзья! Одесса ждала появления второй Кремер, второго Вертинского... Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что появилась первая Шульженко.

Клавдия Шульженко была певицей многожанровой — лирические, драматические, шуточные песни звучали в ее исполнении естественно и выразительно. Надеюсь не только на свой талант, она любила работать, ей нравилось подолгу искать самую выразительную интонацию или жест, подчеркивающий главную мысль песни, она шлифовала свое исполнение с вдохновением, и

если авторы приносили ей алмаз, она знала, как превратить его в бриллиант. Потому-то из бесхитростных, простеньких песенок ей удавалось создавать подлинные шедевры эстрадного искусства.

Не случайно молодые композиторы и поэты с надеждой приносили Клавдии Ивановне свои произведения. И многие благодаря ей становились впо-

ное признание, голос ее стали узнавать буквально в каждом нашем доме. Знаменитый «Синий платочек» в ее исполнении стал чуть ли не лирическим гимном солдат Великой Отечественной.

Патриотом, отважным, смелым человеком показала себя Шульженко в годы войны. Наш ансамбль выступал на Ленинградском, Волховском, Запа-

дней). Прошу вас, спойте мне мой любимый романс «Руки».

После другого концерта бойцы бронепоезда «Неуловимый Иван», как называли его на Ленинградском фронте, прежде чем загнать снаряд в ствол орудия, писали на нем: «Клавдия Шульженко по фашистским гадам!»

И ничто не могло заставить

ПЕСНЯ НА ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Шульженко... Как много в этом имени дорогого для наших людей! Услышав на передовой ее голос, мы на минуту забывали о тяготах войны... Невосполнимая утрата. Прошу «ЛГ» вспомнить Клавдию Ивановну.

Н. ИВАНОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны
СВЕРДЛОВСК

К. И. ШУЛЬЖЕНКО на эстраде Колонного зала Дома союзов 10 апреля 1976 года

следствии популярными. Она была строга в выборе и тактична в отказе.

И не случайно Арам Ильич Хачатурян только ей, единственной, разрешил превратить в романс свой знаменитый вальс из «Маскарада». По просьбе Шульженко же поэт Павел Герман написал к этой музыке стихи, и в репертуаре певицы появилась изящная музыкальная миниатюра «Встреча с поэтом».

Певица была предана своему жанру. Она не изменяла ему и тогда, когда лирические песни оказались «не в моде». Именно в тяжелые военные годы обрела она подлинно народ-

ном и Северо-Западном фронтах. Только за первый год войны нами было дано 500 концертов. На Ладожской трассе — на Дороге жизни наш Ленинградский фронтовой джаз-оркестр работал в 1942 году два с половиной месяца. Клавдия Ивановна была неутомима. Она выступала по два-три раза в день. Для певицы подобная нагрузка немислимо трудна. Но я ни разу не слышал от нее какой-либо жалобы. Ее исключительную дисциплинированность, неизменно хорошее настроение, чувство юмора, неутомимость можно было ставить всем в пример. Она появлялась среди солдат, летчиков, артиллеристов, и люди начинали улыбаться, тянулись к ней и старались сделать хоть что-то приятное.

Помню, после одного концерта под Выборгом — это было в августе 1941 года — девушки-красноармейцы поднесли Клавдии Ивановне огромный букет полевых цветов. Политрук Терещенко как бы между прочим сказал, что это букет необыкновенный — не только потому, что он не из магазина, не из оранжереи, не из садов Крыма или Кавказа — девушки собрали его по цветочку почти на линии огня, на простреливаемой снайперами полосе, где и деревья нет, чтобы укрыться.

На таких концертах слушатели постоянно менялись — вход в зрительный зал солдатам во время действия, вопреки театральным правилам, был беспрепятственно разрешен, и под песни Шульженко они возвращались с боевого задания и уходили в бой.

Как-то на Ленинградском фронте Всеволод Вишневский познакомил нас с летчиком-асом Георгием Костылевым, будущим Героем Советского Союза. Летчик сказал Шульженко:

— До вашего концерта у меня в небе был жестокий бой, я смотрел смерти в зрачки (он так и сказал: не в глаза, а в

Шульженко отменить свое выступление. Она пела, даже будучи больной.

Как-то в канун нового, 1942 года мы с очередным концертом приехали в летнюю часть. Клавдия Ивановна была простужена, у нее болело горло и хрипнул голос. Мы поделились своей бедой с начальником клуба Борисом Тылевичем, ныне главным администратором Малого театра.

— Что ей может помочь? — спросил он.

— Хорошо бы стакан горячего молока, — нерешительно сказал я, понимая, что в тяжелых блокадных условиях выполнить эту просьбу вряд ли удастся.

Тылевич ушел, и его не было больше часа. Но когда он вернулся — он принес стакан молока. Настоящего! Достал в какой-то воинской части. Концерт состоялся, и не один — в тот день мы выступали на Кировском заводе и в госпитале.

Когда-то Эдит Пиаф на вопрос, кого бы она назвала самым интересным исполнителем песен, ответила своей знаменитой фразой, которую вот уже много лет не устают цитировать, едва разговор заходит об эстраде. «Певиц и певцов много, — сказала Эдит Пиаф. — Но дайте мне личность!» Слова эти как нельзя больше относятся к Клавдии Ивановне Шульженко. Она была самоотверженно предана своему искусству. Она никогда не изменяла себе и честно прошла свой артистический путь, не жалея человеческих и творческих сил для своего слушателя, своего народа. И люди платили ей любовью и восхищением.

Живой голос Шульженко замолк, но, сохранившийся в тысячах записей и пластинок, он будет всегда волновать людские сердца.

Владимир КОРАЛЛИ,
заслуженный работник
культуры РСФСР,
артист Москонцерта

